

⁷ *Хлебникова В.Б.* Российский дипломат К.А. Губастов и его служебная записка «Черногория. 1860–1900 гг.» // *Славяноведение*. № 5. М., 1997. С. 35–51.

⁸ *Сахарова Е.В.* Василий Дмитриевич Поленов... С. 217.

⁹ Там же. С. 218.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 216.

¹² Там же. С. 218.

¹³ Там же. С. 219–220.

¹⁴ Там же. С. 220.

¹⁵ Там же. С. 213–224.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.4.6

Л. Ю. Пахомова

Российское консульство в Боснии и Герцеговине в австро-венгерский период*

В 1878 г. на Берлинском конгрессе Австро-Венгрия получила мандат на оккупацию Боснии и Герцеговины — территорий, где Порта не смогла провести реформы танзимата. Важными свидетелями проведения как османских¹, так и австро-венгерских реформ были иностранные консулы, писавшие о ситуации в крае. Донесения российских дипломатов оказываются одновременно и ценным источником исследования провинции, и уникальным материалом по изучению русско-австрийских отношений в боснийской проекции. Однако интересны не только сведения, предоставляемые консулами, но и сама работа российского консульства.

Россию в габсбургской Боснии представляли консулы Николай Николаевич Ладыженский (Ладыженский; 1879–1880 гг.), Модест Модестович Бакунин (1880–1893 гг.), Гус-

---

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках работы над проектом № 18-09-00346а «Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники о Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе Нового времени: от наблюдений к знаниям».

тав Викторович Игельстрём (Игельстром; 1893–1914 гг.). Первый из них проработал там всего несколько месяцев, затем вместо него прибыл Бакунин, который был уже консулом в Сараеве во время Восточного кризиса — с начала восстания в Герцеговине в 1875 г. и до начала русско-турецкой войны в 1877 г. В 1893 г. он был переведен в Батавию (совр. Джакарта), тогда же в Сараево из болгарского Пловдива был командирован Игельстрём, оставшийся в Боснии вплоть до начала мировой войны.

Цель доклада — проследить, как смена администрации с османской на австро-венгерскую сказалась на работе российского консульства Боснии и Герцеговины.

Прежде всего, нужно отметить неопределенный статус иностранных дипломатов в провинции, управляемой Австро-Венгрией, но де-факто остававшейся под властью султана. До сих пор не удалось найти документов, описывающих официальный статус русских консулов и процедуру получения ими разрешения на приезд в провинцию. Вероятно, работа дипломатов в оккупированной провинции не регламентировалась ни австро-венгерскими, ни османскими документами. То, что Департамент личного состава и хозяйственных дел МИД отказался отправлять из Петербурга консульский патент Игельстрёму, не помешало ему представлять Россию в Боснии и Герцеговине². Наиболее остро этот вопрос встал, когда в Сараево в 1888 г. приехал эрцгерцог Рудольф. Давая инструкции Бакунину, чтобы тот даже косвенно не признал право Габсбургов на владение Боснией, российский посол в Вене князь А.Б. Лобанов-Ростовский писал: к эрцгерцогу следует относиться только как к наследнику австро-венгерского престола, какие бы цели он ни преследовал на оккупированных территориях³.

Поиск источников информации представлял для русских консулов определенную трудность. Помимо сообщения официальных данных консулам вменялось в обязанность писать в донесениях и о точке зрения самих местных жителей. Но консулу Ладыженскому не удавалось наладить такие связи: население, чтобы не навлекать на себя подозрение новой

администрации, не входило в контакт с русским консулом. Если английский, германский и французский представители, которые не покидали боснийско-герцеговинские земли во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., могли пользоваться своими старыми каналами, то Ладыженский был лишен их⁴.

Его преемник Бакунин (поскольку уже был знаком с краем) мог задействовать свои прежние связи в среде местных жителей. Он часто путешествовал по региону — бывал не только в Боснии или Герцеговине, но и в Далмации. В 1887 г. консул писал: «Частые поездки совершенно необходимы для собирания всех тех сведений, которых в Сараеве достать нельзя и которые местное управление будет ныне еще тщательнее, чем когда-либо таить от русского здесь консула»⁵.

Сменившему Бакунина Игельстрёму вновь пришлось нелегко: он не знал местного языка, найти же учителя оказалось затруднительно. Кроме того, домовладельцы, у которых российский МИД снимал здание для своего представительства в Сараеве, в 1893 г. отказались от договора аренды, опасаясь неприятностей со стороны австро-венгерской администрации. «Сербы до того запуганы, что прямого общения с ними иметь почти невозможно», — подчеркивал дипломат. Он признавал, что в результате «главный вопрос, представляющий для нас интерес, — выяснение положения сербского населения — именно представляет наибольшее затруднение»⁶.

Не только боснийцы остерегались контактов с русскими дипломатами, но и австро-венгерские чиновники старались оградить местное православное население от общения с консулами. Причина была не в «близости языка и единства веры», как считал Ладыженский⁷, но, скорее всего, в том, что австро-венгерские власти знали об опыте общения русских дипломатов с жителями в бывших османских провинциях. Тем более что Б. Каллаи, австро-венгерский общеперсский министр финансов, управлявший оккупированными провинциями с 1882 г., был консулом в Белграде в 1868–1875 гг. Тогда, в османский период Россия выступала покровительницей православных христиан и была гаран-

том их прав. Петербург стремился использовать то обстоятельство, что православная церковь выполняла важнейшую политико-пропагандистскую и культурно-образовательную миссию⁸. Консулы, тесно сотрудничая со славянскими комитетами, помогали православной общине, прежде всего в образовательной сфере. Однако попытки влиять и помогать приводили к множеству конфликтов между дипломатами и османскими властями⁹.

И теперь, когда Боснией управляла Австро-Венгрия, она старалась сделать все, чтобы иностранные державы, особенно Россия, не имели повода вмешиваться в дела провинции. Новая администрация учредила «коммунальные» школы, чтобы снизить роль религии в образовании; снабжала церкви всей необходимой утварью и литературой; платила зарплаты церковным иерархам. Поэтому Бакунину сложно было доставить книги и иконы, которые славянское благотворительное общество, памятуя о своей деятельности в 50–70-е гг. XIX в., отправляло из России¹⁰. Вмененный консулам в обязанности сбор информации военного характера не мог не беспокоить представителей австро-венгерской администрации¹¹.

С контролем над деятельностью российских дипломатов связана работа австрийских агентов. Их рапорты, составленные для генерал-губернатора оккупированного края, сохранились в Архиве Боснии и Герцеговины, в фонде «Общеимперское министерство финансов»¹². О каждом шаге русских дипломатических представителей и других российских подданных, приезжавших в Боснию и Герцеговину, сообщалось через главу боснийского правительства в Вену, общеимперскому министру финансов.

Поездки Бакунина и его связи с местным населением приводили к постоянным стычкам с австро-венгерскими властями. Бакунину казалось, что местная администрация, в частности гражданский управляющий барон Х. фон Кучера, не уважает его и специально демонстрирует, что он *persona non grata* в Сараеве. Бакунин характеризовал свое положение следующим образом: «Чрезвычайно трудное, де-

ликатное и фальшивое положение в Сараеве русского консула среди враждебности и подозрительных австрийцев, придирчивых, вызывающих, постоянно смешивающих политику с политикой»¹³. Это же заметил тотчас по прибытии Игельстрём.

Несмотря на конфликтность и некоторую мнительность Бакунина, МИД не отказывался от его услуг и с его помощью продолжал внимательно следить за австро-венгерской политикой. Однако, видимо, ситуация с российским представительством после очередного громкого скандала в 1893 г. стала настолько критической, что Бакунина отозвали, а нового консула Игельстрёма Лобанов-Ростовский снабдил инструкцией: поддерживать «наилучшие отношения и отнюдь не вмешиваться в дела внутреннего управления, сообщать императорскому посольству о всех распоряжениях и нововведениях австрийского правительства, имеющих общее значение для страны, и указывать при этом, какое [...] могут иметь полезное или вредное последствие эти реформы для жителей провинций»¹⁴.

Таким образом, признавая право Австро-Венгрии на управление, но не присоединение Боснии и Герцеговины, российские дипломаты адаптировали работу консульства к новым реалиям: через 15 лет после начала оккупации ему пришлось из агента влияния стать в большей степени представительским и наблюдательным учреждением.

Примечания

¹ Подробнее см., например: *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским извори-ма, 1856–1878. Сарајево, 1988; *Мельчакова К.В.* Дипломатия и путешествия в неизведанных славянских землях. А.Ф. Гильфердинг и А.С. Ионин на службе в первом русском консульстве в Сараево // *Славянский альманах*. М., 2014. № 1–2. С. 61–73.

² Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 1139. Л. 3–3 об.

³ Там же. Оп. 514/2. Д. 303. Л. 94.

⁴ Там же. Ф. 161/2. Оп. 181. Д. 830. Л. 1 об–2.

⁵ Там же. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 330. Л. 63 об–64.

⁶ Там же. Оп. 514/1. Д. 1139. Л. 25–26.

⁷ Там же. Ф. 161/2. Оп. 181. Д. 830. Л. 1 об–2.

⁸ Хевролина В.М. Борьба России за усиление своих позиций на Балканах в 1856–1875 годах (деятельность российских консульств) // Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI — начало XX века. М., 2007. С. 261.

⁹ Мельчакова К.В. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1850–1870-е гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Мельчакова Ксения Валерьевна. М., 2016.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 303. Л. 47.

¹¹ Там же. Л. 19.

¹² Arhiv Bosne i Hercegovine. F. Zajedničko ministarstvo finansije.

¹³ АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 330. Л. 15 об.

¹⁴ Там же. Д. 384. Л. 56–56 об.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.4.7 *Е. С. Киреева (Сергеенко)*

Сербско-черногорские отношения и Косовский вопрос на рубеже XIX–XX вв.

Вопрос о судьбе европейских территорий Османской империи после ее неминуемого распада оставался на европейской повестке дня вплоть до Первой мировой войны. У всех заинтересованных сторон, среди которых были как балканские государства (Сербия, Черногория, Болгария), так и некоторые великие державы (прежде всего Австро-Венгрия и Италия), было свое собственное видение того, кому в итоге достанутся эти земли. Одним из наиболее спорных районов был Косовский вилайет. Руководство Сербии не скрывало своих планов по приращению территорий, лежащих к югу от ее границ, а именно территории современного Косово, однако у нее был соперник в лице Черногории, которой в конце XIX — начале XX вв. правил амбициозный князь Николай (1841–1921).

В конце XIX в. сербский престол занимала проавстрийская династия Обреновичей, а Черногорией правил пророссийский князь Николай, отношения между ними были на-